

ДЖОН ХАРРИСОН

ТЕМНЫЕ ЗАВЕСЫ

INSPIRIA
Москва
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х21

John Harrison
PASSING THROUGH VEILS

Copyright © 2023 John S. Harrison, Jr.

Харрисон, Джон.

Х21 Темные завесы / Джон Харрисон ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Ток. Триллер за гранью реальности).

ISBN 978-5-04-189758-1

Кэтрин считает, что огромная черная полоса в ее жизни наконец-то закончилась. В прошлом остались суровое детство и раны, нанесенные ей отчимом, жуткий нервный срыв, стоивший ей блестящей карьеры, лечение в психушке... Теперь Кэтрин в порядке и начинает все с чистого листа. Старая подруга устраивает ее к себе в крутую юридическую фирму, а еще Кэтрин въезжает в старый, но очень уютный дом по сходной цене. Ее даже не настораживает то, что тридцать лет назад здесь была зверски убита молодая красивая женщина.

И в этом доме ее жизнь начинает превращаться в кошмар, в безумие...

Сначала появляются странные запахи и звуки. Потом откуда-то изнутри дома доносится старая патефонная запись. Неожиданно начинает пахнуть сигарами и дорогими духами. В доме внезапно обнаруживаются вещи, которые Кэтрин раньше не видела. И, наконец, появляются... призраки. Один из них, призрак молодой красивой женщины, кажется, что-то хочет от нее. Кажется, что-то отыскать... Но что? Кэтрин чувствует, как в доме нарастает какая-то угроза. И ее рассудку, и самой жизни...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-189758-1

*Лесли, Йену и Сидни,
которые всегда слушают*

Знать тьму внутри себя — лучший
способ справиться с тьмой в других.

Карл Юнг

Пролог

Вашингтон, округ Колумбия

Город призраков... Во имя кого-то из них Потомак¹ осиян огнями величественных монументов — усилия их увековечены, достижения их почитаемы. Для остальных это бездонная трясина забвения, безграничная пустота тоски о былом, в которых они навеки увязли — неприкаянные, неуспокоенные.

И обозленные до предела.

На Резервуар-роуд, неподалеку от перекрестка с Висконсин-авеню, всего в нескольких кварталах от Джорджтаунского университета, где улицы затемяют соборы вязов, пышных летом и готически строгих зимой, стоит очаровательный кирпичный таунхаус² в федераль-

¹ Потомак — река, на которой расположена столица США Вашингтон. Большинство воинских и иных мемориалов расположены как раз на ее берегах. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

² В США таунхаусом принято именовать семейный дом в два этажа и выше, имеющий как минимум одну общую стену с соседним и расположенный, как правило, в город-

ном стиле. В стенах этого неприметного на вид дома постройки конца девятнадцатого века тянутся изящные гостиные с дубовыми панелями на стенах и просторными паркетными полами, тихонько поскрипывающими и о чем-то вздыхающими по ночам. Второй этаж его украшают две большие спальни с собственными ванными комнатами, отделанными винтажной мозаичной плиткой, с тяжеленными ваннами на когтистых лапах — хозяйская, Ребеки и Роберта Райт, и еще одна поменьше, детская, их обожаемого годовалого сынишки Джек-Джека.

В этот тихий осенний вечер на улице ни души. В окнах загорается свет. Подаются коктейли, накрываются столы к ужину, люди смотрят по телевизору Кронкайта и «Час новостей» Макнилла и Лерера¹ или переодеваются для диктуемых этикетом политических мероприятий, рядящихся под благотворительные. Где-то трепетное сопра-

ской черте. При этом, в отличие от британских таунхаусов и домов шпалерной застройки, примыкающие друг к другу дома могут значительно отличаться своей архитектурой и планировкой.

¹ Уолтер Лиланд Кронкайт-младший (1916–2009) — американский тележурналист. Наибольшую известность получил как бессменный ведущий вечернего выпуска новостей Си-би-эс на протяжении 19 лет с 1962 по 1981 г.; «Час новостей» с ведущими Робертом Макнилом и Джимом Лерером — одна из наиболее популярных новостных телепрограмм в США в 1980-е гг.

но Эдит Пиаф вкрадчиво выводит меланхолическую мелодию «Осенних листьев», что разносится по ветру, словно далекий сон. В темно-синем седане, припаркованном чуть дальше по улице, огонек зажигалки на миг выхватывает из темноты пристальный взгляд мужчины, который смотрит вверх на тень, мелькающую за занавесками окна спальни.

Сидя за туалетным столиком с мраморной столешницей, Ребека Райт ерошит пальцами свои густые, но короткие волосы цвета воронова крыла, чтобы они выглядели и небрежно-растрепанно, и стильно. На дверце шкафа висит в ожидании черное платье от «Живанши», но сейчас на ней нет ничего, кроме тоненькой комбинации, которая облегает ее стройную фигурку словно вторая кожа. На чуть смугловатом лице ярко выделяются миндалевидные глаза цвета черного дерева, смотрящие на нее из зеркала с целой гаммой эмоций. Деланая апатия в них соперничает с тоской, смирением и стыдом. Причина едва скрыта прямо за ними.

Страх.

На туалетном столике стоит изящная деревянная шкатулка ручной работы — свадебный подарок от свекрови Ребеки, семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение женами Райтов, каждая из которых оставила в ней какую-нибудь особо редкостную и памятную для себя

вещицу. Прядь детских волос, переписанное от руки любимое стихотворение, драгоценная безделушка, скромный и непритязательный обрывок свадебной фаты — памятное значение каждого из хранящихся в ней предметов давно позабыто, но все это, как уверена Ребека, каким-то мистическим образом по-прежнему способно утешить и приветить каждую новую представительницу клана. Ребека тянется к шкатулке за вещицей, которую сама добавила туда. Это «Вальтер ППК» тридцать второго калибра. Изящный, женственный, смертоносный. Пальцы ее крепко смыкаются на рукоятке, когда она вынимает магазин, чтобы проверить, заряжен ли пистолет. Позади нее в зеркале возникает силуэт мужчины, который приближается к ней, и она может сказать, что он что-то прячет за спиной. Ребека быстро убирает пистолет обратно в шкатулку и закрывает ее, пока он ничего не заметил.

— С годовщиной, дорогая, — говорит Роберт, надевая ей на шею нитку таитянского черного жемчуга. Она знает, что эти жемчуга наверняка стоили целое состояние, но не смотрит на них. Ее взгляд по-прежнему прикован к полным нежности глазам мужа в зеркале, и страх и печаль, овладевшие ею всего мгновение назад, растворяются в туманной пустоте страсти.

— Я хочу тебя... — шепчет она, притягивая его руки к своим бедрам. Ее комбинация легко

скользит вверх, когда он наклоняется, чтобы прижаться губами к ее затылку. Повернувшись, Ребека возится с пуговицами его костюмных брюк, и, пока она пытается стащить их с него, он поднимает ее лицо к своему. Их языки дразнят друг друга, взаимное возбуждение все нарастает. И вот они уже больше не в силах сдерживаться. Он подхватывает ее на руки и несет на кровать. Его губы легко скользят по ее горлу, животу, бедрам... Ухватившись за столбики кровати, она хватается ртом воздух.

А внизу доносящийся из стереосистемы голос Пиаф все продолжает доискиваться до сути классической баллады Джонни Мерсера.

А потом, пока Роберт по новой быстро принимает душ, Ребека ждет в гостиной возле проигрывателя — прозрачное видение в своем простом, но элегантном платье от «Живанши», — слушая, как потрескивание дров в камине подчеркивает меланхолию Пиаф, перекликающуюся с далекой сиреной за окнами. Держит перед собой конверт от пластинки — смотрит на него, но ничего не видит. В глазах у нее проглядывает что-то шалое, порожденное борьбой между эндорфинами и адреналином у нее в крови.

«Это должно произойти сегодня, — говорит себе Ребека, нервно разглаживая отставший уголок обложки конверта, под которой она прячет правду. — Сегодня это должно закончиться».

Ребека укрепляет себя быстрым глотком скотча, ожидающего ее на проигрывателе, но тут ее отвлекает детский смех, донесшийся из фойе перед входной дверью. Джек-Джек, только что из ванны, высвобождается из объятий няни и нетвердой походкой ковыляет к матери, которая берет его на руки и прижимает к себе, вдыхая его теплый карамельный аромат, словно в самый первый раз.

— Будь умницей, слушайся нянечку, Джек-Джек, — говорит Роберт, не спеша спускаясь у них за спинами по лестнице.

«Боже, он просто великолепен», — думает Ребека, когда Роберт набрасывает шаль ей на плечи, сожалея, что нельзя опять затащить его наверх и еще разок соблазнить. Но «в Америке снова утро»¹, и после пораженческого уныния предыдущего десятилетия все жаждут хоть немного изящества, хоть немного гламура, хоть немного веселья. Не показаться нельзя — сочтут надменной брюзгой. А кроме того, это может оказаться ее лучшим шансом покончить со всем этим кошмаром. Если у нее не сдадут нервы.

И если она готова пострадать от последствий.

¹ «В Америке снова утро» — предвыборный лозунг Рональда Рейгана, в 1981 г. сменившего на посту президента США Джимми Картера, годы правления которого были отмечены тяжелыми и болезненными испытаниями для страны.

Старинные каминные часы вестминстерскими курантами отбивают восемь, и Ребека передает Джека отцу, который крепко стискивает ребенка, вызвав у того громкий смех, прежде чем тот на вытянутых вверх отцовских руках «летит» обратно к няне.

— Будем не поздно, — говорит Роберт их собственной Мэри Поппинс.

Ребека наклоняется, чтобы в последний раз поцеловать Джек-Джека, и чуть не плачет, когда няня машет его крошечной ручкой — «пока-пока!».

На улице по-прежнему пусто и тихо. Ребека повисает на руке у Роберта, когда они идут по тротуару к своему серебристому купе «Мерседес 380SL» с откидным верхом. Он уже открывает для нее пассажирскую дверцу, но вдруг останавливается, заметив припаркованный чуть дальше по улице темный седан. Что-то в нем озадачивает его — как будто он узнаёт машину, но находит странным увидеть ее здесь, в это время, в этом районе. Однако его замешательство мимолетно, и он лишь отмахивается от него.

В машине Ребека достает из сумочки сигарету, и лицо у нее вдруг застывает. Она лихорадочно перебирает бумажные салфетки, вынимает губную помаду, пудреницу, но его там нет — «Вальтера ППК». Его нет в сумочке! «Вот черт!»

— Роберт, — окликает она мужа, когда тот обходит машину, — мне надо вернуться в дом. Я кое-что забыла.

Ребека продолжает тщетно рыться в сумочке, но знает, что пистолета там нет. Он остался наверху. Она хватается за внутреннюю ручку дверцы.

— Я быстрень...

Машина вдруг дергается, резко перевалившись с боку на бок. Ребека вскидывает голову в тот самый момент, когда лицо Роберта врежется в стекло водительской дверцы. Он встречается с ней взглядом, но не видит ее, потому что уже без сознания и начинает сползать на тротуар.

— Роберт! — кричит Ребека, вываливаясь из машины. Ее шаль цепляется за защелку дверцы и отдергивает ее назад, но она яростно тянет, разрывая тонкую ткань в клочья. И уже мчится вокруг «Мерседеса» к своему мужу, как вдруг что-то останавливает ее. Детский плач. Маленький Джек как-то ухитрился забраться на стол в гостиной таунхауса и теперь тянется к ней, подползая к открытому окну. И в эту долю секунды колебаний судьба Ребеки решена.

За спиной у нее мелькает темная тень, и крепкая мужская рука вздергивает ей подбородок, обнажая горло. Перед глазами проскакивает сверкающее стальное лезвие стилета.

Няня подбегает к Джеку сзади, чтобы не дать ему выпасть из окна. Задевает боком проигрыватель, но все-таки успевает вовремя перехватить малыша. Темно-синий седан исчезает за углом на Висконсин-авеню. На улице воцаряется неесте-

ственная тишина. Ни ветерка, ни жужжания насекомых. Не слышно даже отголосков городского шума с другого берега Потомака, сменившихся беззвучным оцепенением. Все, что осталось, — это сводящее с ума спотыкание «Осенних листьев» на заевшей пластинке, выплывающее из окон и аккомпанирующее задыхающемуся бульканью Ребеки, когда она прислоняется к «Мерседесу», вцепившись окровавленными руками в перерезанное горло. Жемчугов у нее на шее уже нет. Она поднимает взгляд на своего сына наверху — губы у нее шевелятся, но не издают ни звука. А затем медленно оседает в болото из собственной крови.

Каминные часы в таунхаусе отбивают четверть часа, а у окна отчаянно заходится в плаче единственный очевидец этого преступления, неспособный понять то, что только что видел. Няня закрывает ему глаза рукой и оттаскивает назад. Его крики затихают в глубине таунхауса, оставляя лишь надрывный голос Пиаф, вновь и вновь жутковато оплакивающей опавшие листья и свою потерянную любовь, пока иголка проигрывателя раз за разом перескакивает на одну и ту же канавку пластинки.